

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ «ТРОЙКА, СЕМЕРКА, ТУЗ» И «ПАЛАТА № 6» В МЕДИЦИНСКОМ АСПЕКТЕ

Л.К. Байрамова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, Казань, Россия, 420008
luiziana08@mail.ru

М.В. Иванова

ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького»
Тверской бульвар, 25, Москва, Россия, 123104
g-vinograd@mail.ru

В статье рассматриваются в медицинском аспекте два русских «авторских» фразеологизма *тройка*, *семерка*, *туз* (А.С. Пушкин. «Пиковая дама», 1833) и *палата № 6* (А.П. Чехов. «Палата № 6», 1892) с общей семей «сумасшествие».

Ключевые слова: русская фразеология, крылатые слова, «*тройка*, *семерка*, *туз*», «*палата № 6*».

В русской аксиологической диаде «Здоровье — Болезнь» *здоровье* является, безусловно, конвенциональной ценностью: *Здоровье и благосостояние тела дороже всякого золота, и крепкое тело лучше несметного богатства* (Библия, Сирах, 30: 15), а *болезнь* — конвенциональной антиценностью. Сравнительный анализ фразеологических номинаций здоровья и болезни в русском языке показывает, что антиценность «Болезнь» представлена более разнообразно, например:

- глухота (*глухая тетеря, глухой как пень, туг на ухо, уши отсидел*);
- головная боль (*башка/голова трещит, голова идет/ходит кругом, голова кружится*);
- ларингит (*спадать с голоса, терять голос*);
- лихорадка (*лихорадка не матка: треплет, не жалеет; тётка бьет*);
- наркомания (*винтовое бдение, высохли трубы, джефое бдение, сесть в систему, сесть на иглу, сесть на препарат*);
- нервное расстройство (*как/будто/словно/точно на иголках, ни жив ни мертв, портить себе кровь, сам не свой, трепать/портить (себе) нервы*);
- озноб (*зуб на зуб не попадает, мороз по коже / по спине дерет/подирает/продирает/пробегаёт, мурашки бегают/ползают по спине / по телу / по коже, цыганская жара, цыганский пот пронял/прошиб*);
- паралич (*апоплексический удар, удар хватил*);
- сифилис (*французская болезнь, французский насморк*);
- сумасшествие (*белены объелся, крыша поехала, лишаться ума/рассудка, неадекватно вести себя, помешаться в уме / в рассудке, сходиться/спятить/рехнуться/свихнуться с ума, терять рассудок, тронуться/повредиться умом/рассудком / в уме / в рассудке, тронутый умом/мозгами*),

— тошнота (*выворачивает наизнанку, исполнять арию Риголетто, поехать в Ригу, с души воротит*);

— хандра (*впасть в хандру, какая муха укусила, не в духах / не в духе; русская хандра*);

— эпилепсия (*падучая болезнь, черная немочь*).

Или, например, другие заболевания, недомогания: *английская болезнь, грудная жаба, медвежья болезнь, поймать белочку, черная смерть* [2. С. 67—79].

Самую большую группу фразеологизмов о болезнях представляют единицы со значением 'сумасшествие'. В ней есть и «авторские» фразеологизмы: *тройка, семерка, туз* (А.С. Пушкин. «Пиковая дама», 1833) и *палата № 6* (А.П. Чехов. «Палата № 6», 1892).

Как указывают авторы «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка», фразеологизм *тройка, семерка, туз* является символом сумасшествия [3. С. 458], а фразеологизм *палата № 6* употребляется в значении 'сумасшедший дом' [3. С. 167].

Фразеологизм *тройка, семерка, туз* связан с судьбой Германна — героя повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», в которой Пушкин художественно разрабатывает тему игры, позже — одну из ведущих тем русской литературы. Из названия и первых слов повести понятно, что речь идет о карточной игре, и выражение *тройка, семерка, туз* становится ключевым в тексте. «Пиковая дама» — произведение хрестоматийное, не нуждается в пересказе, но хотелось бы точно воспроизвести описание помешательства Германна.

Через три дня «после роковой ночи» Германн пошел в монастырь, где должны были отпевать графиню. Подошедшему к гробу Германну показалось, что «мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом. Германн, поспешно подавшись назад, оступился и навзничь грянулся об землю. (...) Целый день Германн был чрезвычайно расстроен. Обедая в уединенном трактире, он, против обыкновения своего, пил очень много, в надежде заглушить внутреннее волнение (...) Возвратясь домой, он бросился, не раздеваясь, на кровать и крепко заснул» [7. С. 215].

«Он проснулся ночью: луна озаряла его комнату. Он взглянул на часы: было без четверти три. Сон у него прошел; он сел на кровать и думал о похоронах старой графини.

В это время кто-то с улицы заглянул к нему в окошко, — и тотчас отошел. Германн не обратил на то никакого внимания. Через минуту услышал он, что отпирали дверь в передней комнате (...) он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина в белом платье. Германн принял ее за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести ее в такую пору. Но белая женщина, скользя, очутилась вдруг перед ним, — и Германн узнал графиню!

— Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она твердым голосом, — но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и туз выиграют тебе сряду, но с тем, чтобы ты в сутки более одной карты не ставил и чтоб во всю жизнь уже после не играл. Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтобы ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне ...

С этим словом она тихо повернулась, пошла к дверям и скрылась, шаркая туфлями. Германн слышал, как хлопнула дверь в сенях, и увидел, что кто-то опять поглядел к нему в окошко.

Германн долго не мог опомниться» [7. С. 215—216].

Некоторые исследователи считают, что это был сон. Например, Е.Г. Хайченко, приводя этот ночной эпизод, пишет: «... три дня спустя, в день похорон, призрак графини является Германну во сне и называет три карты» [9. С. 95]. Но это был не сон, а галлюцинации. А.С. Пушкин четко написал: Германн «проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Он взглянул на часы: было без четверти три. Сон у него прошел; он сел на кровать и думал о похоронах старой графини» [7. С. 215].

В «Большой медицинской энциклопедии» галлюцинации определены следующим образом: «Галлюцинации (лат. hallucination — бред, видения, обманы чувств, мнимовосприятия) — один из видов нарушения чувственного познания, характеризующийся тем, что представления, образы возникают без реального раздражителя, реального объекта в воспринимаемом пространстве и, приобретая необычную интенсивность, чувственность... становятся для самосознания больного не отличимыми от реальных предметов, от образов объектов действительности» [8. С. 557]. (В «Пиковой даме»: Германн верит, что он видит живую графиню.)

«Нередко галлюцинации сочетаются: зрительные и слуховые, зрительные и тактильные ... и т.д.» [8. С. 557]. Слуховые галлюцинации могут быть «сложными вербальными», речь может быть обращена непосредственно к больному [8. С. 558]. Сравните: в «Пиковой даме»: Германн видит графиню и слышит, что она говорит ему — присутствуют «сложные вербальные галлюцинации».

«Слуховые галлюцинации обычно возникают при неизменном сознании, чаще в тишине, в ночное время, когда больной находится в одиночестве» [8. С. 558]. Сравните: в «Пиковой даме»: Германн проснулся ночью, в комнате он был один, была полная тишина.

В.В. Виноградов в своем (не потерявшем актуальности) исследовании «Стиль „Пиковой дамы“» (1936) указывал: «Любопытно, что само помешательство Германна изображается Пушкиным как неподвижная идея, состоящая в смешении и слиянии реального мира с образами трех верных карт. «Тройка, семерка, туз — не выходили из его головы и шевелились на его губах. Увидев молодую девушку, он говорил: „Как она стройна!.. Настоящая тройка червонная“. У него спрашивали: „какой час“, он отвечал „без пяти минут семерка“. Всякий пузатый мужчина напоминал ему туза. Тройка, семерка, туз — преследовали его во сне, принимая все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлера, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком» [5. С. 192].

Далее, как известно, Германн, якобы следуя советам графини, играет три дня подряд, ставит по одной карте (тройку, потом семерку) и выигрывает. На третий день ошибается и вместо необходимого туза ставит «пиковую даму», которая

поражает Германна необыкновенным сходством с графиней. Германн сходит с ума и «сидит в Обуховской больнице (...), не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: „Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, да-ма!..“» [7. С. 219].

Сравнение медицинского (научного) и литературного (художественного) описания сумасшествия показывает, что гениальный А.С. Пушкин с медицинской точностью в своем художественном тексте описал сумасшествие героя.

Интерес представляет и медицинский аспект повести А.П. Чехова «Палата № 6». Автор (будучи профессиональным врачом) в художественной форме изобразил процесс сумасшествия на основе мании преследования, которой страдал один из героев повести — Иван Дмитрич Громов.

Мания преследования в медицине определяется как разновидность маниакально-депрессивного психоза, при котором «отмечается общее преобладание депрессивных состояний»; предвестниками болезни являются: при депрессии — неприятные ощущения в теле, повышенная утомляемость, общая вялость, недомогание, головные боли, расстройство сна, аппетита, неопределенный страх; в начале мании — расстройство сна, общее беспокойство, возбужденность, раздражительность.

Основные симптомы депрессивной фазы заболевания: подавленное настроение с витальным «телесным» чувством тоски [11. С. 405].

Все эти признаки маниакального состояния больного человека обнаруживаются при описании Чеховым жизни сошедшего с ума Ивана Дмитрича Громова.

Были предпосылки этого заболевания, и А.П. Чехов подробно рассказывает о них.

Брат Громова, Сергей (будучи студентом четвертого курса), «заболел скоротечной чахоткой и умер, и эта смерть как бы послужила началом целого ряда несчастий, которые вдруг посыпались на семью Громовых. Через неделю после похорон Сергея старик-отец был отдан под суд за подлоги и растраты и вскоре умер в тюремной больнице от тифа. Дом и вся недвижимость были проданы с молотка, и Иван Дмитрич с матерью остались без всяких средств» [10. С. 75]. И потому «он должен был от утра до ночи давать грошовые уроки, заниматься перепиской и все-таки голодать, так как весь заработок посылался матери на пропитание. Такой жизни не выдержал Иван Дмитрич, он **пал духом, захирел** (здесь и далее выделены слова и фразеологизмы, имеющие отношение к появлению мании. — Л.Б., М.И.) и, бросив университет, уехал домой. Здесь, в городке, он по протекции получил место учителя в уездном училище, но не сошелся с товарищами, не понравился ученикам и скоро бросил место. Умерла мать. Он с полгода ходил без места, **питаясь только хлебом и водой**, затем поступил в судебные приставы. Эту должность занимал он до тех пор, пока не был уволен **по болезни**.

Он никогда, даже в молодые студенческие годы, не производил впечатления здорового. Всегда он был **бледен, худ**, подвержен простуде, **мало ел, дурно спал**. От одной рюмки вина у него кружилась голова и делалась истерика. Его всегда

тянуло к людям, но благодаря своему **раздражительному характеру и мнительности**, он ни с кем близко не сходил и друзей не имел. (...).

Однажды (...) пробирался Иван Дмитрич к какому-то мещанину (...) **Настроение у него было мрачное, как всегда по утрам**. В одном из переулков встретились ему два арестанта в кандалах и с ними четыре конвойных с ружьями (...) Ему вдруг почему-то **показалось**, что его тоже могут заковать в кандалы (...) возвращаясь к себе домой, он встретил около почты знакомого полицейского надзирателя, который поздоровался и прошел с ним по улице несколько шагов, и почему-то **это показалось ему подозрительным**. Дома целый день у него не выходили из головы арестанты и солдаты с ружьями, и непонятная **душевная тревога** мешала ему читать и сосредоточиться. Вечером он не зажег у себя огня, а **ночью не спал** и все думал о том, что его могут арестовать, заковать и посадить в тюрьму. Он не знал за собой никакой вины и мог поручиться, что и в будущем никогда не убьет, не подожжет и не украдет; но (...) Утром Иван Дмитрич поднялся с постели **в ужасе, с холодным потом на лбу**, совсем уже уверенный, что его могут арестовать каждую минуту» [10. С. 75—78].

Вот как описывает Чехов дальнейшее поведение и рассуждения Громова: «И для Ивана Дмитрича наступили **мучительные дни и ночи**. Все проходившие мимо окон и входившие во двор казались шпионами и сыщиками (...) Иван Дмитрич **вздрагивал** при всяком звонке и стуке в ворота, **томился**, когда встречал у хозяйки нового человека; при встрече с полицейскими и жандармами улыбался и насвистывал, чтобы казаться равнодушным. Он **не спал все ночи напролет**, ожидая ареста, но громко храпел и вздыхал, как сонный, чтобы хозяйке казалось, что он спит; ведь если не спит, то, значит, его мучают угрызения совести — какая улика! Факты и здравая логика убеждали его, что все эти **страхи — вздор и психопатия** (...) Иван Дмитрич (...) весь отдался **отчаянию и страху**.

Он стал **удиняться и избегать людей** (...) Он **боялся**, что его как-нибудь подведут, положат ему незаметно в карман взятку и потом уличат, или он сам нечаянно сделает в казенных бумагах ошибку, равносильную подлогу, или потеряет чужие деньги (...).

Весной, когда сошел снег, в овраге около кладбища нашли два полусгнивших трупа — старухи и мальчика, с признаками насильственной смерти (...) после некоторого размышления, он решил, что в его положении самое лучшее — это спрятаться в хозяйкин погреб. В погребе просидел он день, потом ночь и другой день, сильно озяб и, дождавшись потемок, тайком, как вор, пробрался к себе в комнату. **До рассвета простоял он среди комнаты, не шевелясь и прислушиваясь**. Рано утром до восхода солнца к хозяйке пришли печники (...) **страх** подсказал ему, что это полицейские, переодетые печниками. Он потихоньку вышел из квартиры и, охваченный ужасом, без шапки и сюртука, побежал по улице. За ним с лаем гнались собаки, кричал где-то позади мужик, в ушах свистел воздух, и Ивану Дмитричу **казалось**, что насилие всего мира скопилось за его спиной и гонится за ним.

Его задержали, привели домой и послали хозяйку за доктором» [10. С. 78—80].

Известно, что повесть «Палата № 6» явилась результатом раздумий писателя над русской жизнью, что была воспринята современниками как символический образ России и что в ней показано «всеобщее безумие»: один болен равнодушием, другой — пошлостью, третий — наглостью, четвертый — манией преследования [См.: 6. С. 426; 4. С. 193]. Но точность описания заболевания с точки зрения медицины следует выделить особо.

В тексте повести А.П. Чехова использована лексика и фразеология, раскрывающая и точно характеризующая манию преследования. Самой частотной является лексема *казаться*, что подчеркивает идею не о настоящем, а о воображаемом событии. Повторы и акценты на бессоннице, мрачном настроении, упадке духа, ужасе, насилии, отчаянии и страхе создают достоверный медицинский портрет человека, сошедшего с ума.

А.П. Чехов был блестящим врачом-диагностом, он даже знал, от какой болезни умер царь Ирод. Правдоподобное и мастерски точное с позиций медицинского диагноза описание психически больного человека в «Палате № 6» можно объяснить многолетней профессиональной врачебной деятельностью автора. Что же касается достоверного описания сумасшествия Германна в «Пиковой даме», то можно лишь предполагать, что это дань романтизму (романтики увлекались изучением мистики и душевных болезней). При этом нельзя отрицать и особую писательскую интуицию, гениальное чутье, артистизм этих двух выдающихся реалистов.

Фразеологизм *тройка, семерка, туз* вошел в употребление как символ сумасшествия. Обычно символичные фразеологизмы содержат компонент-символ, заряд которого символически окрашивает и весь фразеологизм. Символическое значение данного фразеологизма складывалось иначе: помимо влияния оригинальности сюжета, помимо присутствия образа луны («Германн проснулся ночью: луна озаряла его комнату...»), которая считается символом женскости [1. С. 295] и которая интерпретируется А.С. Пушкиным с добавленным значением как символ мистической женщины-предсказательницы, — помимо всего этого, важным оказался традиционный тропеический путь: субъект (Германн) + артефакт (карты) + действие (игра) → следствие (проигрыш, потрясение, сумасшествие).

Сочетания *тройка, семерка, туз* и *палата № 6* стали употребляться в русском языке как фразеологизмы с семой «сумасшествие». Способствовало общезыковому утверждению этих выражений еще и многократное их повторение в повестях А.С. Пушкина и А.П. Чехова. И все же самую существенную роль в их языковом распространении и укреплении сыграло невероятно точное с медицинской точки зрения художественное воспроизведение в текстах «Пиковой дамы» и «Палаты № 6» тяжелой душевной болезни, потрясшее читателей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреева В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М.: Астрель* Мир, 2001.
- [2] Байрамова Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2011.

- [3] Берков В.П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. 2-е изд. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. Т. II.
- [4] Бялый Г.А. Антон Чехов // История русской литературы в 4 т. Т. 4. Л.: Наука, 1983. С. 177—230.
- [5] Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 176—239.
- [6] Катаев В.Б. А.П. Чехов // Русская литература XIX—XX веков. Т. I. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 426.
- [7] Пушкин А.С. Пиковая дама. Собр. соч. в 10 тт. Т. 5. М.: Художественная литература, 1975. С. 195—219.
- [8] Ушаков Г.К. Галлюцинации // Большая медицинская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 4. С. 557—563.
- [9] Хайченко В.Г. Германн // Энциклопедия литературных героев. М.: Аграф, 1997. С. 595—596.
- [10] Чехов А.П. Палата № 6. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 8. М.: Наука, 1986. С. 72—126.
- [11] Шаманина В.М. Маниакально-депрессивный психоз // Большая медицинская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 13. С. 405—410.

RUSSIAN IDIOMS “THREE, SEVEN, ACE” AND “WARD NO. 6” IN THE MEDICAL ASPECT

L.K. Bairamova

Kazan Federal University
Kremlyovskaya str., 18, Kazan, Russia, 420008
luiziana08@mail.ru

M.V. Ivanova

Maxim Gorky Literature Institute
Tverskoy Blvd., 25, Moscow, Russia, 123104
g-vinograd@mail.ru

The article deals with the examination of two Russian author's idioms “three, seven, ace” (Aleksander Pushkin, *The Queen of Spades*, 1833) and “ward No. 6” (Anton Chekhov, *Ward No.6*, 1892) with generic seme “madness” in the medical aspect.

Key words: Russian phraseology, popular sayings, “three, seven, ace”, “ward No.6”.

REFERENCES

- [1] Andreeva V., Kuklev V., Rovner A. Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem. M.: Astrel* Mir, 2001.
- [2] Bayramova L.K. Aksiologicheskii frazeologicheskii slovar russkogo yazyika: slovar tsennostey i antitsennostey. Kazan: Tsentr innovatsionnyih tekhnologiy, 2011.

- [3] Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G. Bolshoy slovar kryilytykh slov i vyrazheniy russkogo yazyika. Magnitogorsk: MaGU; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universit, 2009. 2-e izd. T. II.
- [4] Byalyiy G.A. Anton Chehov // Istoriya russkoy literatury v 4 t. T. 4. L.: Nauka, 1983. P. 177—230.
- [5] Vinogradov V.V. Stil «Pikovoy damyi» // Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy. O yazyike hudozhestvennoy prozyi. M.: Nauka, 1980. P. 176—239.
- [6] Kataev V.B. A.P. Chehov // Russkaya literatura XIX—XX vekov. T. I. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2001. P. 426.
- [7] Pushkin A.S. Pikovaya dama. Sobr. soch. v 10 tt. T. 5. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. P. 195—219.
- [8] Ushakov G.K. Gallyutsinatsii // Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1976. T. 4. P. 557—563.
- [9] Haychenko V.G. Germann // Entsiklopediya literaturnykh geroev. M.: Agraf, 1997. P. 595—596.
- [10] Chekhov A.P. Palata № 6. Poln. sobr. soch. v 30 t. T. 8. M.: Nauka, 1986. P. 72—126.
- [11] Shamanina V.M. Maniakalno-depressivny psikhos // Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. T. 13. P. 405—410.